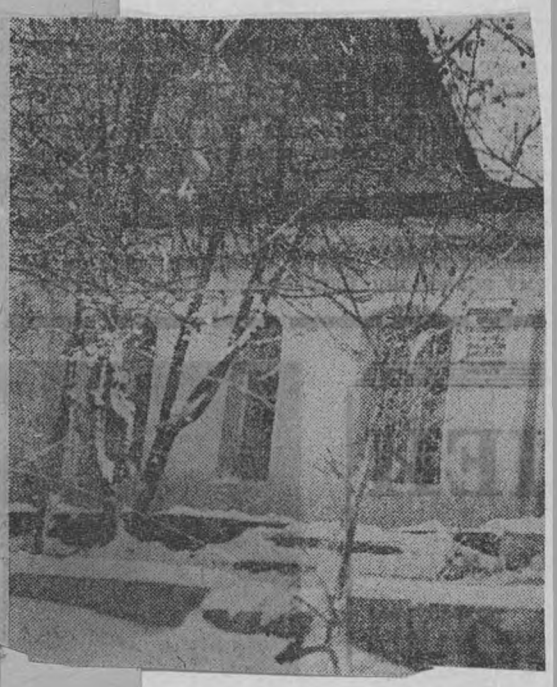
ВЫШКА
г. БАКУ
19 НОЯ 1975

К 90-летию со дня рождения Узеира Гаджибекова

КОЛЫБЕЛЬ КОМПОЗИТОРА



Торжественно, не скупясь на щедрость, снег опускался на крыши шушинских домов, на голые ветви деревьев, в черную от стужи воду Дашалтычая, на головы прохожих. Снег за одну ночь укрыл асфальт улиц, присыпанные палой листвой аллеи парка, словно пушистые кавказские бурки накинул на бронзовые плечи памятников Нариману Нариманову, Мешади Азизбекову, Узеиру Гаджибекову, Бюль-Бюлю...

Снег падал и падал. От холода в пар превращалось дыхание, в руках, отказываясь служить, замерз затвор фотоаппарата. Но что удивительно—мороза я в тот день так и не почувствовал. Меня согревала музыка, которая, казалось, на каждом шагу лилась из окон новых многоэтажных зданий, что выстроились в ряд возле колхозного рынка, из старых домов с длинными верандами, из дверей кинотеатров и клубов. Не подвластная времени музыка Узеира Гаджибекова Вихревые, могучие взлеты увертюр, печально-нежный напев песни «Сенсиз», радостные, солнечные «Эллегии»...

Я шел по улицам и древним переулкам Шуши, и слушал знакомые с детства тесниф ы и мугамы, хоры из опер, то радостные, то грустные, как при расставании, мелодии из оперетт, возникающие словно из грома небесного аккорды фортепьянных ноктюрнов. От этой музыки легко, хорошо делалось на душе. В Шуше всегда, даже в такой вот промозглый, ненастный день, как-то по-особенному ярко, каждый раз по-новому свежо звучит музыка Узеира Гаджибекова. Наверное, от того, что Шуша—колыбель, родина композитора.

Все в тот ноябрьский день происходило среди падающего снега. Скользя на скатах улиц и переулков, я шел на звуки музыки. Даже если я в первый раз был в Шуше, все равно заблудиться было просто невозможно — музыка Гаджибекова звучала всюду. Целый день она была моим путеводителем, гидом. Она и привела меня в Дом культуры, где я еще внизу, в дверях, услышал позмучесню Узеира Гаджибекова «Севгили джанан»:

Ты так хороша, радость моя,
Так мила и чиста,
Что о твоей красе
Идет молва из уст в уста —

нежным голосом в сопровождении ансамбля народных инструментов «Оху тар» пел рабочий Айдын Магеррамов.

Музыка, звучащая с утра, показала мне, как пройти на Шушинскую фабрику восточных инструментов. Под ее аккомпанемент я прошел по всей фабрике, побывал в цехах, в которых трудятся шушинские мастера Шаген Салманов, Раджаб Гасанов, Мирамил Агамиров, Азад Осипян. На тарах, нагарах и кеманчах, изготовленных их руками, музыка великого шушинца сегодня звучит в Туркмении, Узбекистане, Армении, Грузии, Татарии, Иране, Турции.

Музыка, музыка... Чистые стеклянные звуки тара, бархатистые переливы кеманчи, тембры габоя, флейты, трубы...

Я ни у кого не спросил, как мне, например, пройти в Шушинскую музыкальную школу имени Сеида Шушинского—моим проводником опять была чарующая музыка Узеира Гаджибекова. Песни «Яхшы ел», «Чагрыш», «Шевкет баджиси», «Сенсиз», дуэты из оперы «Асли и Керем», танцы из «Лейли и Меджнуна», хор девушек из «Кероглы»—все это в тот день звучало в прекрасном исполнении в стенах этого старейшего учебного заведения города. Для 900 юных тариетов, пианистов, кеманчистов, пленительная музыка Узеира Гаджибекова стала путеводной звездой в жизни ребят, которым сегодня двенадцать—тринадцать лет.

— Столько же, сколько было Узеиру в пору, когда Агалар Аливердибеков давал первые уроки музыки одаренному племяннику, знакомил его с тесниф ами и мугамами, — рассказывает директор школы Октай Аллахвердиев.—Скоро юноша начал сам импровизировать выступать на концертах в двухклассной русско-азербайджанской школе с собственными сочинениями. Композитором решил стать уже в тринадцатилетнем возрасте, увидев однажды, как об этом пишет сам Гаджибеков, в родном городе Шуше на любительском спектакле Меджнуна на могиле Лейли.

За «Гянджинскими воротами»—главными воротами Шушинской крепости вдруг на высокой ноте умолкла музыка, и на холодную землю снизошла великая тишина и покой. У «Гянджинских ворот» находится дом, в котором жил и провел детские годы будущий композитор, человек, еще до революции бросивший вызов «сильным мира сего»: «Наша мечта — освободиться от цепей рабства, зажить по-человечески!». Сегодня здесь заботами его благодарных земляков создан мемориальный музей. Дом небольшой, приземистый, одноэтажный, под черепичной крышей, каких в Шуше, наверное, сотни. Прямо из сада дверь ведет в столовую, за ней—спальня. Пахнут свежестью недавно беленые стены. Небольшой семейный сундук, керосиновые лампы, посуда...

Воображение рисует высокого, худенького паренька с черными смышлеными глазами, спешащего по утрам в школу. Как и все, просыпаясь по утрам, улыбался солнцу, летом с товарищами бегал купаться в Дашалтычай, а по воскресеньям ездил в Исабулагский лес на праздники песен слушать мугамы, баяты и тесниф ы в исполнении знаменитых шушинских музыкантов Садыхджана и Карягды. Если юный Узеир чем и выделялся среди своих товарищей, то—глубоким интересом к познанию, не по-детски серьезным влечением к музыке, народному творчеству.

Вместе с посетителями, отдыхающими в санатории «Шуша», москвичами, ленинградцами, волгоградцами, ташкентцами и экскурсантами—рабочими Степанакертского электротехнического завода, я с волнением ходил по комнатам отчего дома Гаджибекова. В музейной тишине рассматривал многочисленные экспонаты, рассказывающие о жизни и деятельности славного сына своего народа. На стендах, —документы, письма, многочисленные труды Узеира Гаджибекова на азербайджанском и русском языках и монографии ученых о нем, фотографии композитора разных лет, портреты его сподвижников — актеров Г. Сарабского и Л. Рзаевой, Бюль-Бюля и Р. Бейбутова и других исполнителей ролей в его операх и оперетах, дореволюционные театральные афиши.

А снег все падал и падал. У «Гянджинских ворот», где крепостная стена, подпирая мая полуразбитой башней, начинает медленно ползти по склону, вдруг снова зазвучала умолкшая было музыка Узеира Гаджибекова, наполняя сердце добрыми чувствами. Но на этот раз она зазвучала во мне самом. Я отчетливо ощущал могучие взлеты увертюры к опере «Кероглы». В моем воображении возникали древние боевые башни Карабаха. И сердце мое снова, как утром, часто-часто заколотилось от волнения. И стало понятно мне сердцем и, как никогда, глубоко то, что Узеир Гаджибеков вышел из гущи своего народа, выразил его многовековые чаяния, опыт и земную мудрость.

Ф. ЗАКИЕВ,
спец. корр. «Вышки».
ШУША.

На снимке: Шуша. Дом-музей Узеира Гаджибекова.
Фото автора.

97

НЕМЕРКНУЩАЯ МОЛОДОСТЬ „КЕРОГЛЫ"

Вот уже четыре десятилетия в советском искусстве достойное место занимает героическая опера «Кероглы» народного артиста Советского Союза композитора Узеира Гаджибекова.

К юбилею великого композитора Азербайджанский государственный академический театр оперы и балета имени М. Ф. Ахундова подготовил постановку бессмертной оперы Узеира Гаджибекова в новой редакции. В канун премьеры «Кероглы», которая состоится 20 ноября, корреспондент «Вышки» беседовал с директором театра, заслуженным деятелем искусств республики композитором **А. Рзаевым.**

— Это уже четвертая по счету постановка классической оперы выдающегося композитора на нашей сцене. Заслуженный деятель искусств республики дирижер Р. Абдуллаев дал своеобразную трактовку партитуры оперы, а режиссер-постановщик Ф. Сафаров нашел интересное, динамичное решение спектакля. Художник-постановщик народный художник СССР Т. Салахов и художник, заслуженный деятель искусств республики Э. Фаталиев выполнили красочные декорации и костюмы для спектакля, а балетмейстер народная артистка СССР Г. Алмасзаде обновила рисунки танцев. Большую работу проделали хормейстеры — заслуженный артист республики Н. Меликов и Г. Карягин.

В главных партиях заняты: народный артист Азербайджана Л. Иманов и А. Меликов (Кер оглы), народная артистка СССР Ф. Ахмедова и Х. Бабаева (Нигяр), заслуженный артист республики Ф. Мустафаев и А. Ахвердиев (Гасан-хан), Ф. Мехтиев (Гамза-бек) и другие.

Г. ПОГОСОВ.